

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
YEREVAN STATE UNIVERSITY

СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО
STUDENT SCIENTIFIC SOCIETY

ISSN 1829-4367

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ СНО ЕГУ

COLLECTION OF SCIENTIFIC ARTICLES OF YSU SSS

1.4 (30)

Общественные и гуманитарные науки

(Богословие, востоковедение, литературоведение, правоведение, журналистика, языкознание, педагогика, история, социология, экономика и управление, философия и психология, политология и международные отношения)

Humanities and Social Sciences

(Theology, Oriental Studies, Literary Studies, Jurisprudence, Journalism, Linguistics, Pedagogy, History, Sociology, Economics and Management, Philosophy and Psychology, Political Science and International Relations)

ЕРЕВАН - YEREVAN
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕГУ - YSU PRESS
2019

ԵՊՀ ՈՒԳԸ ԳԻՏԱԿԱՆ ՀՈԴՎԱԾՆԵՐԻ ԺՈՂՈՎԱԾՈՒ

1.4 (30)

Հասարակական և հումանիտար գիտություններ

(Աստվածաբանություն, արևելագիտություն, գրականագիտություն, ժուռնալիստիկա, իրավագիտություն, լեզվաբանություն, մանկավարժություն, պատմություն, սոցիոլոգիա, տնտեսագիտություն և կառավարում, փիլիսոփայություն և հոգեբանություն, քաղաքագիտություն և միջազգային հարաբերություններ)

Հրատարակվում է ԵՊՀ գիտական խորհրդի որոշմամբ
Издаётся по решению Ученого совета ЕГУ
Published by the Resolution of the Academic Council of YSU

Խմբագրական խորհուրդ՝

բ.գ.դ., պրոֆ. Դ. Պետրոսյան
բ.գ.դ., պրոֆ. Լ. Մաթևոսյան
բ.գ.դ., պրոֆ. Յու. Ավետիսյան
բ.գ.դ., պրոֆ. Ս. Մուրադյան
բ.գ.դ., պրոֆ. Վ. Հարությունյան
հ.գ.դ., պրոֆ. Հ. Ավանեսյան
պ.գ.դ., պրոֆ. Ս. Մկրտչյան
տ.գ.դ., պրոֆ. Հ. Մնացականյան
տ.գ.դ., պրոֆ. Հ. Սարգսյան
ք.գ.դ., պրոֆ. Գ. Քեոյան
բ.գ.դ., դոց. Շ. Պարոնյան
բ.գ.թ., դոց. Ն. Վարդանյան
բ.գ.թ., դոց. Վ. Եղիազարյան
տ.գ.թ., դոց. Կ. Խաչատրյան
բ.գ.թ., ասիստ. Ն. Պողոսյան
ի.գ.թ., ասիստ. Վ. Գրիգորյան
ի.գ.թ., ասիստ. Տ. Սուջյան
ի.գ.թ., ասիստ. Ա. Թավադյան
հ.գ.թ., ասիստ. Դ. Սարգսյան
պ.գ.թ., ասիստ. Ռ. Կարապետյան
փ.գ.թ., ասիստ. Կ. Յարալյան

Редакционная коллегия:

д.ф.н., проф. Д. Петросян
д.ф.н., проф. Л. Матевосян
д.ф.н., проф. Ю. Аветисян
д.ф.н., проф. А. Мурадян
д.ф.н., проф. В. Арутюнян
д.п.н., проф. Г. Аванесян
д.и.н., проф. С. Мкртчян
д.э.н., проф. А. Мнацаканян
д.э.н., проф. А. Саргсян
д.п.н., проф. Г. Керян
д.ф.н., доц. Ш. Паронян
к.ф.н., доц. Н. Варданын
к.ф.н., доц. В. Егиазарян
к.э.н., доц. К. Хачатрян
к.ф.н., ассист. Н. Погосян
к.ю.н., ассист. В. Григорян
к.ю.н., ассист. Т. Суджян
к.ю.н., ассист. А. Тавадьян
к.п.н., ассист. Д. Саргсян
к.и.н., ассист. Р. Карапетын
к.ф.н., ассист. К. Яралян

Editorial Board

DSc, Prof. D. Petrosyan
DSc, Prof. L. Matevosyan
DSc, Prof. Y. Avetisyan
DSc, Prof. S. Muradyan
DSc, Prof. V. Harutyunyan
DSc, Prof. H. Avanesyan
DSc, Prof. S. Mkrtchyan
DSc, Prof. H. Mnatsakanyan
DSc, Prof. H. Sargsyan
DSc, Prof. T. Keryan
DSc, Associate Prof. Sh. Paronyan
DSc, Associate Prof. N. Vardanyan
DSc, Associate Prof. V. Yeghiazaryan
PhD, Associate Prof. K. Khachatryan
PhD, Assistant Prof. N. Poghosyan
PhD, Assistant Prof. V. Grigoryan
PhD, Assistant Prof. T. Sujyan
PhD, Assistant Prof. A. Tavadyan
PhD, Assistant Prof. D. Sargsyan
PhD, Assistant Prof. R. Karapetyan
PhD, Assistant Prof. K. Yarlyan

Հրատարակիչ՝ ԵՊՀ հրատարակչություն
Հասցե՝ ՀՀ, ք. Երևան, Ալ. Մանուկյան 1, (+374 10) 55 55 70, publishing@ysu.am

«СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» В ПОВЕСТИ А. И. КУПРИНА «ЖАНЕТА. ПРИНЦЕССА ЧЕТЫРЕХ УЛИЦ»

А. И. Куприн родился 26 августа 1870 года в городке Наровчате Пензенской губернии. Для Куприна жизнь и творчество были неразделимы. Не принимая политику военного коммунизма, писатель эмигрирует во Францию. В эмиграции Куприн не перестает усердно писать. Его повести и рассказы этого периода овеяны темами эмиграции. Во Франции Куприн жил в материальной нужде и очень тосковал по родине. О переживаниях отца в эмиграции дочь Куприна писала: *«Чужая обстановка, чужая земля и чужие растения на ней стали вызывать у отца горькую тоску по далекой России. Ничто ему не было мило»* [1].

Куприн с уважением относился к французской культуре, традициям и французам, и, сопоставляя их с русскими, не всегда предпочитал русские. Так, например, *«Мы, русские, в мятежной широте души своей, считали даже самую скромную запашливость за презренный порок. В начале нашего парижского сидения мы почти единодушно окрестили французов «сантимниками», но разве – черт побери! – мы за семь лет не прозрели и не убедились, с поздним раскаянием, в том, что бесконечно счастливы те страны, где всеобщая строгая экономия вошла более чем в закон, в привычку»* [2], – писал он в цикле очерков «Париж домашний». Но несмотря на уважительные чувства к парижанам, он ощущал их «чужими».

Произведения Куприна эмигрантского периода отмечены поверхностным воссозданием собственных жизненных явлений, переживаний. В них звучат тоска и чувство обреченности. *«Есть, конечно, писатели такие, что их хоть на Мадагаскар посылай на вечное поселение – они и там будут писать роман за романом. А мне все надо родное, всякое – хорошее, плохое – только родное»* [3], – как-то сказал Куприн. Наиболее интересны те произведения на тему эмиграции, в которых он описывает духовную, и в какой-то мере физическую, отверженность эмигранта.

В 1927-30 годах в Париже вышли в свет сборники Куприна «Новые повести и рассказы», «Купол св. Исаака Далматского», «Колесо времени». В эти годы он написал автобиографический роман «Юнкер». Целью нашего исследования является сопоставление французской и русской культуры в повести А. Куприна «Жанета». Как же

жил в чужом обществе русский профессор, влияла ли на него французская среда, стали ли «чужой» «своим»?

Многообразие и разнообразие культур делают мир интереснее и богаче. Каждый человек является носителем своей собственной, родной культуры, и у каждой культуры своя логика, свое представление о мире. То, что значимо в одной культуре, может быть несущественным в другой. Здесь мы сталкиваемся с понятиями своей и чужой культуры. «Свое» воспринимается положительно, а все «чужое» - как потенциально опасное, враждебное. Можно выделить некоторые признаки, отличающих «своих» от чужих». К признакам «своего» можно относить стереотипы поведения, способы проявления к «чужим», язык, одежда, воспитание, отношение к труду и многие другие культурные маркеры. По наблюдениям исследователей, оппозиция «свой-чужой» может трансформироваться в оппозицию «свой-другой», обнаруживая толерантную аксиологию относительно «чужого» как понятного и освоенного «другого». В случае контраста культур во время коммуникации может проявиться «культурный шок», когда они («чужие») ведут себя как-то не так, по-другому. При этом «чужое» может и вызвать страх.

Во многих культурах отношение к другим народам определяется с позицией этноцентризма, т.е. «свои» обычаи, традиции, религия, язык воспринимаются как единственно правильные. Образ «чужого» представляется с двух позиций - неприятия и толерантности. Однако это полярность выражает уникальность представлений о «чужих», в которых отражаются общественное противостояние и культурное взаимовлияние.

Миграционные процессы приводят к трансформации способов самоопределения личности. Для сосуществования культур разных народов необходимо адаптироваться к новым реалиям, толерантно относиться к «чужим».

Эмигрант чувствует отчуждение и утрату, и в процессе самоопределения часто демонстрирует меланхолическое чувство в терминологии Зигмунда Фрейда, а именно:

меланхолию, вызванную чувством потери объекта, в качестве которого может вызваться абстракция – например, родная страна.

В XX веке эмиграцию из Советской России и Советского союза принято разделить на 3 волны, которые отличаются друг от друга по причинам, географическим структурам, интенсивностью эмиграции и др.

Эмиграция - переселение из одной страны в другую по экономическим, личным обстоятельствам. Указывается по отношению к стране, из которой эмигрируют.

Белая эмиграция – эмиграция из России, возникшая вследствие событий почти шестилетней Гражданской войны (1917-1923).

Вторая волна - лица, перемещенные за границу СССР в 1941-44 годах в ходе Второй мировой войны.

Третья волна - эмиграция после десталинизации и до начала перестройки (1961-89) [4].

В 1919 году Куприн с семьей покинул Россию: таким образом, писатель относится к Первой волне эмиграции. Эмиграция вызвала у Куприна творческий кризис, сузив его писательский и художнический кругозор. Основной темой творчества Куприна эмигрантского периода стало одиночество человека в «чужой» стране.

Впечатления, полученные во Франции, воссоединились с воспоминаниями о родине, и Куприн написал повесть «Жанета». В нем автор описал состояние неприкаянности, душевного одиночества, неутоленную жажду найти «своего» человека. Повесть «Жанета» - одно из самых психологически тонких произведений и, пожалуй, самое печальное в творчестве Куприна. Это произведение бесконечной тоски и одиночества человека, потерявшего родину, семью и не нашедшего своего места в чужой стране.

Первые главы повести были опубликованы в 1932 г. в журнале «Современные записки». В нем рассказывается жизнь эмигранта профессора Симонова в Париже. Эмиграция профессора имела принудительный характер, он эмигрировал в период войны (в годы Мировой войны): *«Еще задолго до ужасной войны и до последовавшей за нею принудительной эмиграции Симонов знал поверхностно Париж, восхищаясь им в недолгие наезды»* [5]¹.

Реализация «своего» и «чужого» в повести проявляется в нескольких ситуациях: в описании жизни главного героя профессора в эмиграции, в своей семье и научной среде.

Повесть начинается описанием «дома» профессора. *«Профессор Симонов живет с простотою инока. Вся его мебель: раскладная парусиновая кровать военного образца, деревянный некрашеный стол, две такие же табуретки, умывальник с кувшином и ведром и старозаветный чемодан, вес испещренный разноцветными*

¹ Все следующие цитаты из этой книги будут указываться в тексте, в скобках называя страницу

путевыми ярлыками» (423). Перечисление мебели и предметов в доме отображают жизнь Симонова, его чуждость и временность пребывания в этом доме. Раскладную мебель человек вряд ли станет использовать в своем собственном, родном доме. В этом доме профессор живет один, готовит и убирает сам. Друзей и профессора нет, но он «общается» с цветами, которые растут у него на подоконнике. Он тщательно ухаживает за ними, и можно сказать, что эти цветы стали его первыми друзьями. Профессора хорошо знают в той районе где он живет, но в самом начале профессор раздражал их, а потом по привычке и с терпением относились к нему: *«Прежде французские лавочники раздражались на профессора за его рассеянность, разводили руками, хлопали себя по бедрам, кричали свое нетерпеливое «alors» («Ну, что же!») и вообще пылили, но теперь по привычке и благодушно поправляют его, когда он забудет взять сдачу, заберет чужой сверток вместо своего или соберется уходить, не заплативши, - и с ним такие мелкие ошибки случаются десять раз на день»* (424). Но французам он приятен тем, что у него есть «доброе внимание» к людям. И в отношении к Симонову у них отсутствуют те основные представления, которое они имеют к русским: *«Совсем в нем отсутствуют те внешние черты унылости, удрученности, роковой подавленности, безысходности, непонятности миром - словом всего того, что французы считают выражением «ам сляв» (славянской душой) и к чему их энергичный инстинкт относится брезгливо»* (424).

Столкновение культур, появление Симонова в городе не вызвало конфликта, потому что Симонов не пытался стать французом, он остался тем, кем был, поэтому его приняли таким, какой он есть, но непонимание все же осталось. Чем же привлекает людей Симонов? Тем, что в нем совершенно отсутствует то, что французы считают выражением «ам сляв» (славянская душа). Очень интересен и нейтрален диалог в лавке, где профессор проявляет вежливость и ярко видны взаимоотношения эмигранта и исконного жителя Франции: «М'сье, да-ам!», «М'сье! – произносит несколько голосов из-за газет», причем не отрываясь от чтения. Обращают на себя внимание авторские пояснения: «Порядок непременно требует справиться у патрона: идет ли? Оказывается - идет. Теперь профессору нужно сделать самое неожиданное открытие: - Но какой прекрасный день! Или: - Ах, какой дождь! - О да! - убедительно подтверждает патрон». Подобный обезличенный разговор повторяется еще раз, причем важно, что элементы прямой речи даны в скобках: «Купил хлеба в булочной на площади Ля-Мюетт (бонжур, мсье, да-ам), пшена, муки и соли в бакалейной (Ca va? - Ca va!) четверть кило свиной грудины («Какой прекрасный день!» - «Но ветер». – «Вы, французы, всегда недовольны погодой. Ветер очищает воздух!»). Французы снисходительны и доброжелательны в отношении к старому профессору, но он всё равно остается для них чужим; общение не выходит за рамки формальной вежливости и трафаретных фраз. «Чужие» часто спрашивали профессора «тужур промнэ» (все еще прогуливаетесь?) и этого «промнэ» французы никак не могли понять и

осмыслить. Всегда занятые французы, у которых все всегда под контролем, никак не могут понять, как профессор позволяет себе прогуливаться в часы, с их точки зрения вовсе не приспособленные для прогулки. «Каждый порядочный француз – а они все порядочные – отлично знает, что гулять можно только по воскресеньям». Французы искренно верят в то, что называют *le droit* (право, закон), полагая, что все в жизни должно делаться по правилам, в нужное время и в нужном месте.

Чем же занимался русский профессор во Франции?

Профессор проводил частные уроки: три урока в трех разных домах. По тексту видно, что профессор чувствует некую неловкость перед работающими французами: *«Семь часов утра весь работающий Париж плескает себе в нос воду из умывального таза, в десять часов вечера каждый честный буржуа уже в постели. Профессор же спит по улицам без всяких почтенных причин и утром, и днём, и поздно ночью. Это удивительно. Всё-таки - ам слав. Профессор сам понимал, что это удивительно. И чувствовал какую-то неловкость перед французами, чувствовал себя трутнем среди трудолюбивых пчел»* (425).

Но французы и эти частные уроки понять не могут. Они своих детей везут в «прекрасные бесплатные коммунальные школы». У русских же с давних пор была «мода» на частные уроки, богатые приглашали на дом учителей. Французы же считают: «Какой же дурак будет выбрасывать деньги на частных учителей».

Выше мы упомянули, что профессор живет во Франции совсем один, но у него когда-то была семья, жена и две дочери. Женился он тоже, можно сказать «на ходу», как и обдумывал свои статьи. Но скоро жена стала требовать только денег, а после и развода. Симонов был «чужим» и в своей семье.

Чужесть Симонова в своей семье началось тогда, когда в супружеских интимных отношениях Лидия Кошельникова перестала проявлять здоровую чувственность, и вскоре эти отношения между супругами стали все реже. *«Ты знаешь. В конце концов немцы были и умны и практичны, когда признавали за «цветей киндер систем» право гражданства. Это и необходимо и достаточно»* (453). Окончательно чужим он стал после того, как у него была драка в «бесшабашном кружке новой литературы» Лидии с одним «желто-голубым верзилкой», считающим себя «претендентом на высокое звание прекраснейшего из русских поэтов». Мы видели, как поэтапно Симонов стал «чужим» в своей семье, но надо сказать, что он ничего не сделал для того, чтобы содержать семью и не стать в ней «чужим». «Чужесть» Симонова в науке, в научной среде несколько другая. Тут его отчуждение произошло из-за природы Симонова. У Симонова были все возможности стать звездой ученого мира, но он не успел написать хотя бы одной строго научной книги. И причины этого Куприн объясняет следующим: *«Он не обладал настойчивостью в обработке мелочей. Он*

был лишен профессионального честолюбия. Он был неуживчив вследствие своей прямолинейности и гордости» (427).

Французы видят великолепие и блеск во всем, что они делают, они всегда уподобляли Францию сияющему небесному светилу, самим себе отводя роль спасителей человечества. Симонов пришел спасаться.

Вторым другом Симонова был кот. Интересно, что кот сам пришел в его жизнь. Это был «полудикий кот – черный, длинный, худой, наглый, – настоящий парижский апаш кошачей породы», так описывает кота автор. Да, кот был настоящим парижанином.

«Никогда еще в своей жизни не видел Симонов ни человека, ни животного, которые носили бы на себе такое количество следов бывших отчаянных драк». Кот – тоже «француз», со своими битвами, победами и поражениями в мировой истории, но в каком-то мере кот – это и отражение Симонова. У Симонова тоже много ран, он приехал во Францию в поисках спасения, утешения. Так же и кот каждый вечер, а иногда и днем, приходил к профессору. Профессор дал коту имя – Пятница. И это не случайно. Назвав кота Пятница, Симонов (или автор, ведь иногда они могут быть отождествлены) автоматически становится Робинзоном. Но этот Робинзон был одинок не на необитаемом острове, а среди людей. Симонов называет кота на французский манер – «Вандреди» (от французского *vendredi*, что и означает «пятница»). Симонов называл его «мой Вандреди». Именно Вандреди становится спутником жизни Симонова на чужбине. Символично, что именно диалогом с Вандреди завершается повесть, чем подчеркивается глубокое одиночество профессора в эмиграции.

«...в его сжатой ладони спокойно лежала маленькая шершавая ручонка, а рядом с ним стояла девочка лет пяти-шести, ростом немного выше его бедра. Как он мог не почувствовать этой детской лапки, прокравшейся в его руку» (437). Встреча с «принцессой четырех улиц» произошла в тот момент, когда профессор был в глубоком философском раздумии о паутине.

Жанета – это воплощение тех чувств, забот и нежности, в которых нуждался профессор. Жанета яркая представительница французских детей, в ней слились все качества, которые свойственны французам. В описании внешнего вида Жанеты мы видим глазами профессора. *«На ней был затрепанный балахончик яркочанареечного цвета, что-то вроде мешка с пятью отверстиями для головы, голых рук и ног».* Встреча с Жанетой становится роковой для профессора, в его жизни появляется надежда, появляется человек, в ком он мог найти своих детей и заботиться о ней так, как не смог со своими детьми. Девочка становится олицетворением идеального, чистого и доброго мира, в котором нуждался Симонов: *«О, чего же стоят все утехи, радости и наслаждения мира в сравнении с этим самым простым, самым чистым божественным ощущением детского доверия» (446).* В какой-то мере

Жанета, привязанность к ней – это нехватка утерянной заботы о своих собственных детях.

Образ Жанеты – это идеальное воплощение человека вне нации. Автор с четкостью и подробностью описывает отношение Жанеты к людям, в особенности к тем, кто нуждается в помощи: оберегает и жалеет шарманщика и слепого, окружает добротой, сочувствием и лаской всех в «своем королевстве».

Рассматривая отношения родитель-ребенок, мы пришли к выводу, что французы дают относительно больше свободы своим детям, чем русские. Жанета весь день гуляла по улицам, разговаривала с жителями, помогала нуждающимся, русские дети слушали сказки, ходили в зоологический сад с родителями (в этом случае – дети Симонова), в зверинцы, в музеи и галереи. Во Франции родители меньше ставят запреты и вмешиваются лишь тогда, когда есть реальная опасность. Взрослые часто не задают детям жесткие рамки и стараются больше доверять им. Так было и с Жанетой. Но и ее свобода была ограничена: «Но, к ее досаде, строгий надзор матери и острая наблюдательность услужливых соседок замкнули ее свободу в тесное пространство, ограниченное квадратом, образуемым четырьмя улицами: улицей Ранеляг, авеню Мозар, улицей Ассомпсьон и бульваром Босежур».

Явное понимание своей чужести проявляется в диалоге профессора Симонова с Николаем Евдокимовичем (с самим собой). В этом диалоге мы видим как бы раздвоение личности профессора. Одна сторона четко осознает свое место в чужом обществе, другая хочет слиться с ним. Осознанный эмигрант утверждает: *«Я только хочу сказать, что у каждого народа есть свои нравы, обычаи, навыки, суеверия и приметы, которые куда как мощнее писаных и печатных законов. И вот тут-то иностранцу, да еще безнадежному эмигранту, укrywшемуся от позора и смерти под дружеским и сильным крылом, должно с этими неписаными адатами обращаться как можно осторожнее и деликатнее»* (447). Говоря о приметах, он ссылается на случай, когда мать Жанеты, увидев любезное и хорошее отношение профессора к Жанете, стала ругать ее на глазах у профессора, называя ее «злым дьяволом», но после обнимала нежно и осыпала поцелуями. Наверное, она боялась, что профессор может сглазить ее дочь.

Другая сторона Симонова дает верх своим личным чувствам невинности, тоски и нежности: *«...ведь я никогда не испытал и не почувствовал и даже не надеялся когда-нибудь почувствовать тихой бескорыстной радости, которую так мудро и так щедро одаряет судьба дедушек и бабушек... Могу ли я похвастаться, что был когда-нибудь счастливым мужем или почтенным, уважаемым отцом, авторитетом главою дома, его основанием, его управителем и защитником?»* (449). Профессор

был глу-боко несчастным человеком и в этом вовсе не виноваты Франция или жизнь эми-гранта, у Симонова не было счастья даже на родине, в семье.

Заканчивается повесть грустно и печально. Мать Жанеты получила наслед-ство, и они уехали из города. Это расставание было конечным пунктом жизни Симо-нова. В его жизни остался только черный бродяга-кот Вандреди. «Срамник ты, Пятница. Впрочем, мы оба хороши».

Мечтам Симонова об участии в жизни Жанеты не дано было осуществиться, становление «чужой» Жанеты «своим» не мог реализоваться, потому что было слишком много «чужого» в их мирах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] **Куприна К.**, «Куприн – мой отец», с. 56,
URL: <http://www.rulit.me/books/kuprin-moj-otec-read-296834-59.html> (дата обращения: 08.03.2018).
- [2] **Куприн А.**, Париж домашний,
URL: <http://liv.piramidin.com/belas/Kuprin/parizh.htm> (дата обращения: 08.03.2018).
- [3] **Михайлов О.**, Куприн, с. 48, URL: <https://profilib.net/chtenie/137935/o-mikhaylov-kuprin.php> (дата обращения: 08.03.2018).
- [4] URL: <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Эмиграция> (дата обращения: 10.03.2018).
- [5] **Куприн А. И.**, Собрание сочинений, том шестой, Гос. издательство худ. лит., Москва, 1958, с. 477.

Оганян Варсеник

«СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» В ПОВЕСТИ А. И. КУПРИНА «ЖАНЕТА. ПРИНЦЕССА ЧЕТЫРЕХ УЛИЦ»

Ключевые слова: Куприн, свое, чужое, эмиграция, межкультурная коммуникация.

В статье рассматривается аспект своего и чужего в повести А. Куприна «Жанета. Принцесса четырех улиц», в которой «свой» и «чужой» рассмотрены в качестве принципа взаимодействия между представителями разных культур. В статье анализируются образ русского профессора живущего во Франции, его взаимоотношение с французами с точки зрения образа жизни представителей разных культур, особенностей межличностных взаимоотношений, различий в их мировоззрении, в отношении к детям, к воспитанию и пр.

Օհանյան Վարսենիկ

«ԱԶԳԱՅԻՆԸ» ԵՎ «ՕՏԱՐԸ» Ա. ԿՈՒՊՐԻՆԻ «ԺԱՆԵՏԱ. ՉՈՐՍ ՓՈՂՈՑՆԵՐԻ ԱՐՔԱՅԱԴՈՒՍՏՐԸ» ՎԻՊԱԿՈՒՄ

Բանալի բառեր՝ Կուպրին, ազգային, օտար, արտագաղթ, միջմշակութային հաղորդակցություն:

Հոդվածում դիտարկվում է ազգայինը և օտարն Ա. Կուպրինի «Ժանետա. Չորս փողոցների արքայադուստրը» վիպակում՝ իբրև տարբեր մշակույթների ներկայացուցիչների փոխհարաբերությունների սկզբունք: Մեր կողմից կատարվել է ռուս պրոֆեսորի կերպարի վերլուծություն, ով ապրում է Ֆրանսիայում, ուսումնասիրվել են նրա փոխհարաբերությունները ֆրանսիացիների հետ՝ հաշվի առնելով մշակութային զանազան տարբերությունները, միջանձնային հարաբերությունների նրբությունները, աշխարհայացքային առանձնահատկությունները, վերաբերմունքը երեխաների, դաստիարակության հանդեպ և այլն:

Ohanyan Varsenik

SELF AND FOREIGN IN A. KUPRIN'S 'JEANETTE. PRINCESS OF FOUR STREETS'

Key words: Kuprin, self, foreign, emigration, intercultural communication.

The article regards the aspect of self and foreign in A. Kuprin's 'Jeanette. Princess of four streets' as a principle of interaction between the representatives of different cultures. The article analyzes the image of a Russian professor living in France, his relationship with French people from the following points of view: lifestyle of people from different cultures, peculiarities of interpersonal relationships, differences in their world-views, their attitudes towards children, education, etc.